

Алексей СУРКОВ

ПОБЕДИТЕЛИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 27
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Алексей СУРКОВ

ПОБЕДИТЕЛИ

СТИХИ

1941 — 1945

Издательство «Правда»

Москва — 1946 .

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Алексей Александрович Сурков родился 1 октября 1899 года в дер. Середнево, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, в бедной крестьянской семье. До двенадцати лет жил в деревне. Кончил сельскую школу. С 1912 по 1918 год жил в Петербурге-Петрограде. Был магазинным мальчиком, столярным, цинкографским учеником, портовым весовщиком. После февральской революции — один из организаторов профсоюза портовых грузчиков и союза транспортников. С 1918 по 1922 год — в Красной Армии. Участник гражданской войны — красноармеец-пулемётчик. После демобилизации — на родине, в деревне, занимается сельским хозяйством, работает в волисполкоме, избач, волостной политпросветорганизатор. С 1924 по 1928 год — в Рыбинске и Ярославле на партийной, комсомольской, газетной работе. С осени 1928 года — в Москве, пишет стихи.

В 1934 году окончил Институт красной профессуры. Коммунист.

Освободительный поход в Западную Белоруссию (1939 г.), финскую войну (1939—1940 годы), Великую Отечественную войну (1941—1945 годы) был в Действующей Красной Армии военным журналистом.

После войны редактирует «Литературную газету» и журнал «Огонёк».

Награждён семью правительственными наградами. Лауреат Сталинской премии.

Первая книга стихов вышла в Москве в 1930 году. Основные книги: «Запев», «Ровесники», «Родина мужественных», «Путём песни», «Так мы росли», «Это было на севере», «Фронтная тетрадь», «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на запад», «Солдатское сердце», «Наступление», «Россия карающая», «Я пою победу».

Многие стихи Суркова положены на музыку. Наиболее популярны песни: «По военной дороге», «Чапаевская», «То не тучи — грозовые облака», «Рано-раненько», «На просторах родины чудесной» (Песня о Сталине), «Песня смелых», «Бьётся в тесной печурке огонь», «Песня защитников Москвы» и др.

*
* * *

В громе яростных битв пролетают над нами
Беспокойные, грозные, трудные дни.
Встань, поэт, перед строем, под красное знамя
И в глаза современникам прямо взгляни.

Ты сопутствовал каждому нашему шагу.
Все мы вместе встречали тревожный рассвет.
Как отчизне на верность приносят присягу,
Присягни нам на песню, окопный поэт.

Все движенья солдатской души карауля,
Кровью сердца пиши нам про наши дела,
Чтобы песня заклатьем от смерти и пули
На солдатское верное сердце легла.

Чтобы после великого часа победы
Молодые наследники нашей земли
Песнь о том, как сражались и верили деды,
Красным знаменем славы в века унесли.

Западный фронт.
Январь 1942.

*
* * *

Когда мы в поле на ветру стоим
И нас встречает ураган свинца, —
Как в дни работы, именем твоим
Окрылены солдатские сердца.

Грохочут пушки, и свистит шрапнель,
Но цель ясна, и страха нет в груди.
Твою красноармейскую шинель
Боец в атаке видит впереди.

И перед каждым новым рубежом,
Когда вступает смерть в свои права,
Мы, как святыню, в сердце бережём
Твои простые, ясные слова.

Пусть мы не все под отчий кров придём, —
Отца сменяя, сын возьмёт ружьё.
К победе путь указан мне вождём,
И коммунизм — бессмертие моё.

Западный фронт.
Июль 1941.

*
* * *

Детей не ждёт тепло родного крова,
В напльвах крови мёртвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце накопела,
Прямым ударом, наотмашь, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!
Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдёт ростками мести.

Лишь в день победы мы вздохнём свободней,
В цветах увидим родину свою.
Во имя этой радости сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

Западный фронт.
Июль — август 1941.

*
* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьём он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Западный фронт.
Июль — август 1941.

*
* * *

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
Валялись трупы беженцев в пыли.
Два пехотинца пленного солдата
С передовых в армейский штаб вели.

У самого шоссе, воронку вырыв,
Убила бомба четверых ребят,
И, побледнев, один из конвоиров
Занёс над немцем кованный приклад.

Другой взглянул в глаза и понял сразу,
И на плечо легла его рука:
— Уйми себя... Не надо... По приказу
Мы в штаб живым доставим «языка».

Был день. Был зной. Горела ярко хата.
Вой «мессершмиттов» замирал вдали.
Два пехотинца пленного солдата,
Скрипя зубами, по шоссе вели.

Западный фронт.
Август 1941.

В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настезь. Тёмная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
В даль без пути, без дороги тихо бредёт сирота.

Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в чёрную ночь с обгорелых ворот...
Пламенем, сталью и мстью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счёту народ:

Ненависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы.
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Воины-мстители встанут, яростны, неумолимы,
Грозной, разящей лавиною хлынут по следу врага.

Будет земля под ногами врага расступаться.
Мстящее пламя пройдёт от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда, Граца!
Не возвратятся с востока в свадебный день женихи.

Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья.
Горе вам, жёны в Мюнхене, Кёльне, Берлине!
Не возвратятся с востока к вашему крову мужья.

Смерть их настигнет, в какую ни прятались щель бы.
Ярость сожжёт их, как жжёт сорняки сучовей.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с востока, вам не встречать
сыновей...

Не возвратится ваш выводок волчий с востока.
Орды пришельцев утонут в чёрной разбойной крови,
Именем жизни клянёмся — гнать, истребляя жестоко,
И ненавидеть клянёмся — именем нашей любви.

Под Москвой.
Ноябрь 1941.

*
* *
*

Курганами славы покрыта родная равнина,
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река,
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь славянина,
Что в грозное время душа славянина кротка!
От нас убегали монгольские орды Мамай,
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли;
На полчища Гитлера кованый меч поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы славянской земли.
От Вислы к Придонью, от Волги до Савы и Дравы
Коврами цветов мы покроем над кровью луга.
Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахаря плуг разровняет могилы врага.

Западный фронт.
Июль — август 1941.

*
* *
*

Стали в августе ночи длинны, темны,
Осень в стёкла стучит дождём.
Дочка шепчет: — Мама, дойдём до войны
И его домой приведём.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет дождь!
Заплутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдёшь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем ещё крошка. Война далеко,
И тебе до неё не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?—

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребёнок, смолк.
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

Волк ползёт по просторам твоей земли.
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы воины наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернётся домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю!..

Западный фронт.
Август 1941.

*
* * *

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

Он наш корабль к победам вёл сквозь годы,
Для нашей славы временем храним,
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.

На карте фронт узорной вязью вьётся,
И он, нацелясь в чёрные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отдвигает к западу флажки.

Он встал над фронтом, над Москвой, над нами,
Он руку к западу простёр свою:
— Пусть осенит вас Ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!

Под Москвой.
Декабрь 1941.

*
* * *

Вот бомбами разлётанная гать,
Подбитых танков чёрная стена.
От этой гати покати́лась вспять
Немецкая железная волна.

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперёд, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережём
Названия тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

Под Москвой.
Декабрь 1941.

*
* * *

С. Кривс

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге на зло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Под Москвой.
Ноябрь 1941.

ПЕСНЯ О СЛЕПОМ БАЯНИСТЕ

Посвящается Мише Попову, слепому
баянисту воздушно-десантной бригады
имени Кирова.

Запев

Не много в жизни надо нам!
Мы мёртвым полем шли
И в поле том негаданно
На песню набрали.

Солдатских дум избраница,
Она и здесь жива.
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Над песней ветер крутится,
Задира и буян.
Сквозь снежную распутицу
Её ведёт баян.

Старинная, не новая,
Она цветёт в груди.
Ведь зарево багровое
За Нарой, впереди.

Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва.
И стали вновь понятными
Старинные слова.

Огонь метнулся и погас
В кустах между ветвей.
«Настал, настал тяжёлый час
Для родины моей.»

«Настал, настал тяжёлый час
Для родины моей.
Молитесь вы, женщины,
За ваших сыновей!»

Сечёт струя упрямая
По снежной целине.

«Трансваль, Трансваль,
Страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?

Песня первая

Шуршит свинец в нежатой ржи,
В некошенной траве.
Мы защищаем рубежи
На подступах к Москве.

Над речкой Нарой чёрный дым.
Сечёт железный град.
А мы по грудь в земле сидим
И ни на шаг назад.

Невзрачен день, а ночь длинна,
А непогода зла.
В такую непогоду война
К нам гостя привела.

Пришёл парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжёлый ящик за спиной,
В том ящичке баян.

Сосновой палкой впереди
Нащупывает путь,
Зовёт и просит: — Проводи
К бойцам куда-нибудь!

Я на дожде насквозь промок,
Шагая налегке.
Мой подмосковный городок
Отсель невдалеке.

Мне не держать в руках ружьё —
Глаза мои темны,

Но сердце зрячее моё
Не терпит тишины.

Быть может, песенка моя
Придётся ко двору.
А если надо будет,— я
Со зрячими умру. —

. . . . .

Рабочей, золотой души
Был комиссар у нас.
Сказал он писарю: — Впиши
Товарища в приказ. —

В полях, освистанных свинцом
Военных непогод,
Баян зачислен был бойцом
В стрелковый первый взвод.

С дороги тропка завилась
В блиндажную нору.
И вправду — песенка пришла
Бригаде ко двору.

Песня вторая

Поднявшись спозаранку,
Товарищ наш слепой
Всё ходит по землянкам
Натоптанной тропой.

На чёрный ящик сядет:
— Концертник, что ли, дам? —
Ремень к плечу приладит,
Ударит по ладам.

День гулко рвётся миной,
Снарядом воеет зло.
А с песенкой старинной
Не страшно и тепло.

Средь боевого шума
Напев высок и чист...
— О чём на сердце дума,
Товарищ баянист?

Подсядь ко мне поближе.
Про молодость свою,
Про всё, что сердцем вижу,
Я песенку спою.

За прибережной кручей
Угрюмые леса.
Баян ты мой певучий,
Стальные голоса.

За прибережной кручей
Сожжённые сады.
Баян ты мой певучий,
Послушные лады.

Над прибережной кручей
На вётлах вороньё.
Баян ты мой певучий,
Оружие моё.

У края жизни смело
Лады баяна тронь.
И кажется — запела
Далёкая гармонь.

Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как о невесте,
О друге, о жене.

И кажется — в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
К потерянной весне.

Та песенка простая
Понятна и близка.
И тает, отлетая,
Окопная тоска.

Тоска, как льдинка, тает,
И не страшна пурга,
Подснежник прорастает
Сквозь чёрные снега.

Поля росой умылись,
Ручьи светлей слюды,
И зеленью покрылись
Сожжённые сады.

Играй, баян мой старый,
О солнце и весне
Над русской речкой Нарой
В железной тишине.

Песня третья

Не долго до рассвета
Над лесом стыть луне.
Зелёная ракета
Сгорает в вышине.

Морозные иголки
Летят с большой сосны,
Как ломкие осколки
Железной тишины.

Взлетели из метели
Железные стрижи.
Землянки опустели,
Притихли блиндажи.

Огня струёй багровой
Кустарник опалён.
В ружьё, на смерть готовый,
Поднялся батальон.

Всё ближе рёв и топот,
Всё резче ветра свист.
Наощупь из окопа
Выходит баянист.

Сечёт свинец горячий,
Над полем сталь гудёт,
А он вперёд, как зрячий,
Уверенно идёт.

Над полем небо в звёздах.
От залпов ночь глуха.

Баян глотает воздух
В просторные меха.

Над прибережной кручей,
Над ширью ветровой
Запел баян певучий
Под грохот боевой.

В снегах лощины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.

Провыла мина волком.
Рассвет качнулся, мглист.
И, раненый осколком,
Споткнулся баянист.

Но в грохоте и вое
Та песня не умрёт.
К слепцу подходят двое,
Ведут его вперёд.

Как ураган на воле,
Как снежный глыб обвал,
Бушует в мёртвом поле
«Интернационал».

Звенит не болью жгучей
И гонит в забытьё...
Баян ты мой певучий,
Оружие моё!

* *
*

Декабрь по дорогам гонит пургу.
Немецкий мертвец лежит на снегу.
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвцом.
Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя:

Высохла слёз моих горьких река —
Ты заколол моего старика.
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчье отродье, убил...

Под Москвой.
Декабрь 1941.

ВСТРЕЧА

Хрустит снежок морозный, жёсткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрёстки,
На запад держит путь дозор.
Таятся лисы в снежных норах.
За тучей «Юнкерс» воет зло.
Дозорный ловит каждый шорох,
Входя в отцовское село.
Здесь с детства всё ему знакомо,
Здесь тропка каждая мила.
Был дом родной. Не стало дома.
И детства нет. И нет села.
По пепелищу вьюга рыщет.
Под серым пеплом чёрный сруб.
На тополе, над пепелищем,
Качается тяжёлый труп.
Качается понурый, синий,
Опоры нет ему нигде.
Сжат чёрный рот, и белый иней
Застыл в дремучей бороде.
Как над открытою могилой,
Дозорный сгорбился, скорбя.
Он глухо шепчет: — Батя... милый...
Хороший... Как они тебя...—
И, пересиливая муку,
Он гладит зипуна обшлаг,
Целуя ледяную руку,
Упрямо сжатую в кулак.
А русский снег кругом, как море.
А даль зовёт: пора идти!
И он идёт вперёд. И горе
Тому, кто встанет на пути!

Западный фронт.
Январь 1942.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнёзда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат,
А из-за леса тяжёлые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе, —
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико, —
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Западный фронт.
Март 1942.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Чужих указателей белые стрелы
С высоких столбов срывают бойцы.
Над пеплом сырым, по ветвям обгорелым
Тревожно снуют погорельцы-скворцы.

К знакомым местам из-за тёплого моря
Они прилетели сегодня чуть свет,
А здесь — пепелища в крови и разоре,
Ни хат, ни ребят, ни скворешника нет.

Ну, как это птичье бездомное горе
Отзывчивой русской душе не постичь?
Сощуришь от солнца, на вешнем просторе,
Волнуется плотник-сапёр костромич.

— И людям мученье и птицам не сладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Сапёры срубить погорельцам должны... —

Звенят топоры. Зашуршали рубанки
Над прелью пропитанной кровью земли.
Горелые доски, и старые планки,
И ржавые гвозди в работу пошли.

Червонного золота жёлтые пятна
Весна разбросала по плоским штыкам.
Сегодня мы плотники. Любо, приятно
Стругать эти доски рабочим рукам.

И кровля и стенки обструганы гладко.
Солёные капли набухли на лбу.
Над пеплом пожарища новая хатка
Уютно белеет на чёрном дубу.

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно под тёплым весенним дождём
Посадим дубы и под новый скворешник
Венцы человечьей судьбы подведём.

Западный фронт.
Апрель 1942.

НОЧЬ НАД ОСКОЛОМ

Над колючим, ржавым частоколом
Трассами изрезанный зенит.
Меловые скалы за Осколом
Зарево пожара кровянит.

Бригадир седобородый, древний
Говорил той душевной ночью мне:
— Видишь, наши русские деревни,
Умирая, корчатся в огне.

Говорят, ты в песнях наторелый.
Припади к моей высокой ржи,
Про тоску деревни погорелой
Песню для сынов моих сложи.

ДЕВОЧКА И СОЛДАТ

В небе, от зноя полднего звонком,
Мечется рыжего пламени клоч.
Рядом с дрожащим от страха ребёнком
К дубу припал запылённый стрелок.

Снизу в глаза ему жалобно глядя,
Бледные ручки сцепив на груди,
Девочка шепчет: — Дяденька! Дядя!
Миленький, родный, не уходи.—

Рокот катился по пыльной дороге,
Грозно рычал раскалённый металл.
Встал пехотинец, суровый и строгий,
Неторопливо бутылки достал.

В самую прорву растущего рёва
Кинув бутылку широким броском,
Дух перевёл. Огляделся. И снова
Выбросил спящего пламени ком.

Пламя вставало из облака пыли,
Плавало сталь, обжигало кусты.
Перед глазами двоились иплыи
В дымной завесе чужие кресты.

Пуля залётная взвизгнула тонко,
Ткань разрывая и кости дробя.
Раненый тихо склонился к ребёнку:
— Доченька, я не уйду от тебя.

На Дону.
Июль 1942.

ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Жарища жаждой глотку обожгла,
Скоробила рубахи солью пота.
По улицам притихшего села
Проходит запылённая пехота.

Вплетённые в неровный стук подков,
Шаги пехоты тяжёлы и глухи.

Зажав губами кончики платков,
Стоят у тына скорбные старухи.

Стоят, скрестив на высохшей груди
Морщинистые, старческие руки.
Взгляни в глаза им. Ближе подойди.
Прислушайся к немоу крику муки.

Неотвратимый материнский взгляд
Стыдом и болью сердце ранит снова.
Он требует: — Солдат, вернись назад,
Прикрой отвагой сень родного крова!

— Остановись, солдат! — кричит земля
И каждый колос, ждущий обмолота...
Тяжёлыми ботинками пыля,
Уходит в поле из села пехота.

На Дону.
Июль 1942.

ПОЛЕ БОЯ

За селом трава по колено.
Дон течёт, берегами сжат.
В сладком смраде смертного тлена
Вражьи трупы лежат.

Где — в Варшаве или в Париже —
Первый раз обагрил тесак
Этот, нами убитый, рыжий,
Конопатый пруссак?

Будет гнить он вот здесь, в долине,
Или раков кормить в Дону?
Пусть рыдает жена в Берлине!
Мне не жалко жену.

Рядом с рыжим второй и третий, —
Сотня, тысяча злых смертей.
Пусть их ждут в Дюссельдорфе дети!
Мне не жалко детей.

Стало сердце, как твёрдый камень,
Счёт обиды моей не мал.
Я ведь этими вот руками
Трупы маленьких поднимал.

Гнев мне сердце сжигает яро.
Дай, судьба, мне веку и сил!
Я из дымной прорвы пожара
Братьев раненых выносил.

Смерть! Гони их по мёртвому кругу,
Жаль их тысячью острых жал!
Я ведь этими пальцами другу
В миг кончины веки смежал.

Ненавижу я их глубоко
За часы полночной тоски
И за то, что в огне до срока
Побелели мои виски.

Ненавижу за пустошь пашен,
Где войной урожай сожжён,
За тоску и тревогу наших
Одиноких солдатских жён.

Осквернён мой дом пруссаками.
Сердце ранит их пьяный смех.
Я бы этими вот руками
Задушил их, проклятых, всех.

Всех их с камнем тяжёлым в воду!
Бить, пока есть свинец в стволе,
Чтоб ни племени их, ни роду
Не осталось на нашей земле!

На Дону.
Июль 1942.

РОССИЯ

Всё, как прежде, как в древние войны:
Поселенцы уходят в леса,
И звучат в деревнях беспокойных
Причитающих баб голоса.

В тайники зарывают пшеницу,
На восток угоняют стада;
Пьёт, и грабит, и жжёт, и глумится
Захлестнувшая землю орда.

Ночью зарев кровавых свеченье,
Днём по сёлам расправа и суд.
Упокойников вниз по теченью
Тихо русские реки несут.

Трупы стынут в молчании строгом
На пути проходящих колонн;
Россиян по разбитым дорогам
Крестоносцы уведят в полон.

Но из русского ратного стана
Стёжки к стану врага не видать:
К сапогам чужеземного хана
Не приходят послы припадать.

Пусть зашли чужеземцы далече
В шири русских лесов и полей, —
Жив народ наш! От сечи до сечи
Мы становимся крепче и злей.

От обиды, утраты и боли
Не ступилось ни сердце, ни меч.
С Куликова старинного поля
Веет ветер невиданных сеч.

На Дону.
Июль 1942.

*
* * *

Полукружьем пологим выгнут
Каждый пули быстрый полёт.
Если пуля меня настигнет,
Друг открытку тебе пришлёт.

Под полночный грохот зенитки,
Сотрясающий ветхий вокзал,
Друг расскажет в этой открытке
Всё, что я бы тебе сказал:

Что в дыму и вязком тумане
Я лишился последних сил;
Что до самой смерти в кармане
Твой портрет над сердцем носил;

Что на этом твоём портрете
Смертный след оставил металл;
Что в глухую ночь, в лазарете,
Друг мне письма твои читал;

Что, согретый словами твоими,
Я затих у всех на виду;
Что твоё короткое имя
Называл в предсмертном бреду.

Не о смерти думают люди,
Проходя сквозь ветер атак.
Ну, а если такое будет,
Будет так.

Западный фронт.
Июль — август 1942.

*
* * *

От пушки на лугу косяя тень.
Над лугом ласточки скользят легко.
Сегодня — твоего рожденья день,
А ты за Камой где-то, далеко.

Иван-да-Марья, и ромашки цвет,
И васильки в пшенице при пути.
Нарвать бы здесь большой-большой букет
И к изголовью тихо принести.

Поцеловать бы руку и уйти
Обратно к этим стоптанным лугам.
Да вот беда — заказаны пути
С полей войны к родимым очагам.

Жар-птица чертит не для нас круги,
И серый волк не ждёт меня в тайге.
Солдату скороходы-сапоги
С царевичевых ног — не по ноге.

Проснись и платье светлое надень,
А в косу — колокольчик голубой.
Сегодня твоего рожденья день.
Ты не одна — душа моя с тобой.

Западный фронт.
Июль — август 1942.

*
* *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвёртой войне с восемнадцати лет
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнём.
Стали нервы железу подстать.
Победим. И вернёмся. И радость вернём.
И сумеем за всё наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждёт и нас ослепительный май.

Под Ржевом.
Сентябрь 1942.

*
* *

Сторожко приникая к чёрным зданьям,
Проходит по руинам тишина.
Глухая к человеческим страданьям,
Плывёт меж звёзд холодная луна.

В воронках на ночь залегли секреты,
Сапёры мост наводят на реке.
Зелёные немецкие ракеты,
Качаясь, догорают вдалеке.

Потрясены величием вселенной
И, слушая беззвучный звёздный хор,
Мы шопотом заводим сокровенный,
Взволнованный, сердечный разговор.

Не сетуя, не злясь на жребий лютый,
Припомнив близких, тёплое жильё,
Мы верим в эти краткие минуты
И в счастье и в бессмертие своё.

Под Ржевом.
Сентябрь 1942.

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

В зное заводы, дома, вокзал.
Пыль на крутом берегу.
Сталин привёл его и сказал:
— Город не сдай врагу.
Верный присяге русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Гулко катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад, —
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей.
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых чёрных громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался, рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю — за пулю. Снаряд — за снаряд.
Он защищал Сталинград.

Смерть подступала к нему в упор.
Сталью хлестала тьма.
Артиллерист, пехотинец, сапёр —
Он не сошёл с ума.
Что ему пламя геенны, ад?..
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал,
Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придёт — рассеется дым,
Смокнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нём:
— Это железный русский солдат!
Он защищал Сталинград!

Москва.
Ноябрь 1942.

ПОБЕДА

От Кубани к верховьям Донца
Мчится ветер за танками следом.
Будто музыка в наших сердцах —
Долгожданное слово победа.

В этом слове — солдатская честь,
Радость встреч после долгой разлуки.
В этом слове — свершённая месть
За обиды, за слёзы и муки.

Мы идём по равнине степной,
Серебристой овевяны пылью.
Будто сразу у всех за спиной
Распахнулись орлиные крылья.

И летят наши думы к тому,
Кем начертана светлая дата,
Кто прошёл сквозь кровавую тьму
Твёрдым шагом вождя и солдата.

Он под пулями дрогнувший ряд
Останавливал окриком строгим.
Он меж злых и усталых солдат
Шёл в строю по военным дорогам.

Возмужали мы, горечь и злость
Полной мерой в страданиях изведав,
И в сердцах наших верных слилось
Слово С т а л и н со словом победа.

Москва,
Ноябрь 1942.

МЕРТВЫЙ ВРАГ

В стеклянном взгляде ветровая даль,
Вцепились пальцы в мёрзлую траву.
Ты слышишь, мёртвый, мне тебя не жаль,
И не жалею я твою вдову.
До самой смерти ты убийцей был.
Себя ты тешил и себя любил.
Ты злобой наши души оскорбил.
За это мой земляк тебя убил.

Белгород
Март 1943.

ПЕСНЯ О СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

За пустой околицей,
За Донец-рекой
Вздригнет и расколется
Полевой покой.

Неоглядно поле то
За седой межой,
Жаркой кровью полито
Нашей и чужой.

Далеко от поля-то
До Буран-села.
А над кровью пролитой
Чёрный дым и мгла.

В дали затуманенной
Как узнать о том,

Что лежу я, раненный,
В поле под кустом?

Что меня, жестокая,
Тянет боль во тьму?..
Милая! Далёкая!
Жутко одному.

Под бинтом-тряпицею
Голова в огне.
Обернись ты птицею,
Прилети ко мне.

Наклонись, прилежная,
Веки мне смежи,
Спой мне песню прежнюю,
Сказку расскажи:

Про цветочек аленький,
Про разрыв-траву.
Будто вновь я, маленький,
На земле живу...

То ли шелест колоса,
Трепет ветерка,
То ли гладит волосы
Тёплая рука.

И не чую жара я.
И не ранен я.
Седенькая, старая,
Светлая моя!

Москва.
Июнь 1943.

РАЗВЕДЧИКИ ВЫШЛИ К ДНЕПРУ

Встал в тени разбитого здания,
Будто к серой стене прирос,
И глядит, затаив дыхание,
На широкий днепровский плёс.

Берегов крутизна нагая
К небу тянется, боль тая,
И, волной на мель набегая,
В камышах шелестит струя.

А над шелестом струй текучих, —
Городов наших старший брат, —
На днепровских зелёных кручах
Возвышается Киев-град.

Над пучиной Днепра бездонной
Он стоит на крутом бугре,
Гордый, гневный, непобеждённый,
Как седой Тарас на костре.

Год стоит, и другой, и третий...
Всё глядит сквозь пламя костра,
Не летят ли соколы-дети
Грозной стаей из-за Днепра.

Дни дымились кровавой раной,
А сегодня вдруг за Днепром,
Неурочный, жданный, желанный, —
Раскатился весенний гром.

Будто с треском твердь раскололась
От свинцовых туч до земли,
И из грома — знакомый голос:
— Чуешь, батько? Сыны пришли!

Сентябрь 1943.

ТОВАРИЩ

Мать над ним не склонилась, чтобы веки смежить, —
Так и смотрит, мёртвый, во тьму.
А ему бы, весёлому, жить да жить.
Умирать бы ему к чему?

На стволе пулемёта лежит ладонь,
И ладонь холодней ствола.
Встать ему бы, кудрявому, взять гармонь
И вести девчат вдоль села.

Просыпаться бы парню ни свет, ни заря,
Плыть, рукой рассекая рябь;
Молотить бы в погожий день сентября;
Чернозём бы пахать под зябь...

Но война нас накрыла дымным крылом,
А свинец несговорчив, лют.
Мы зароем солдата здесь, за селом,
Отдадим прощальный салют

И пойдём, на заре, по обломкам шпал,
Через речку вброд, через гать,
Чтоб за каждого, кто за Россию пал,
Десять жизней у немцев взять.

Москва.
Сентябрь 1943.

ГЛОТОК ВОДЫ

До чего же бывает речная вода хороша,
Если пить её в полдень большими глотками из каски!
Отлетает усталость. Теплеет живая душа,
Как в бывалое время теплела от девичьей ласки.

А когда ту реку называют, к примеру, Днепром,
И снаряды у борта ложатся всё чаще и чаще,
И двенадцатый «юнкерс» заходит в пике на паром, —
Вам водица покажется мёда пчелиного слаще.

Мы сотрём рукавами холодного пота следы.
Вспомним прошлое лето — и Волгу, и Маныч, и Терек,
И, хмелея от ветра и чистой днепровской воды,
Ураганом атаки сорвёмся с парома на берег.

Москва.
Сентябрь 1943.

*
* * *

Войны имеют концы и начала...
Снова мы здесь, на великой реке.
Сёла в разоре. Земля одичала.
Серые мыши шуршат в сорняке.

Мёртвый старик в лопухах под забором.
Трупик ребёнка придавлен доской...
Всем нас пытали — и голодом и мором,
Жгучим стыдом и холодной тоской.

В битвах пропитаны наши шинели
Запахом крови и дымом костра.

В зной наши души не раз леденели,
В стужу сердца обжигала жара.

Шли мы в атаку по острым камням,
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколениям
Тяжесть, которую подняли мы.

Ветер гуляет по киевским кручам,
И по дорогам, размытым дождём,
Наперекор нависающим тучам
Мы за весной и за солнцем идём.

Только бы буря возмездья крепчала,
Гневом сильней обжигала сердца!
В красном дыму затерялись начала.
Трубам победы греметь у конца.

Москва
Ноябрь 1943.

*
* * *

Скрежещет серый гравий под ногами.
Горелый танк. Разбитый бомбой дот.
На запад семивёрстными шагами
Народное возмездие идёт.

На сотни километров пролегла
Боями проторённая дорога
В полесские болота от Орла,
В преддверье Крыма из-под Таганрога.

Над Киевом трепещет красный флаг.
Слышна в Смоленске наша речь живая,
А шквал испепеляющих атак
Всё катится вперёд, не устая.

Час пробил! Все плотины снесены.
Кто остановит бешенство потока?
Во след багровым заревам войны
Лавина гнева движется с востока.

Москва.
Ноябрь 1943.

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Бывают же такие в жизни встречи!
Перегорала полночь. Чуть дрожа,
Неверным светом освещали свечи
Неструганные стены блиндажа.
Дверь хлопала и открывалась снова.
Входили люди, и врывался пар.
В семь сорок пять стрелковый полк Орлова
По флангу немцев наносил удар.
В углу над телефонным аппаратом
Хрипел связист:— Ока... Ока... Ока...—
Последнее напутствие комбатам
Давал над картой командир полка:
— От хуторов ведёт атаку Бочин,
Лойк и Плетнёв ударят от реки.—
Был каждый слог негромкой речи точен.
Был скуп и точен каждый жест руки.
— Врываемся в окопы ровно в восемь.
Идём вперёд, его тылам грозя.
Учесть — удар мы первые наносим.
Ни сдрейфить, ни замешкаться нельзя.
Раз вышло время с немцем по квитаться,
Так бей с расчётом, силы не дробя.
А кто душой обмякнет, может статься,
Так пусть такой пеняет на себя.
Немало немец лютовал, ребята,
Пора его как следует тряхнуть...—
И встал. И обнял каждого комбата.
И всем сказал:
— По ротам! В добрый путь! —
Вот он стоит над картой и над планом.
Стан перехвачен поясом тугим.
Три золотых полоски над карманом.
Три ордена солдатских над другим.
Он говорит мне:
— От последней встречи
Воды и крови много утекло.
А мы себе, как в тот июльский вечер,
Живём, безносой спутнице назло.
А мы себе такие, как вначале,
Хоть повидали много страшных дней,
Хоть огрубели, да не одичали,
Душой и телом сделались сильней.

А хлопотно, скажу тебе по чести:
Война ведь всё же не отповский дом.
Давай вздремнём полчасака и вместе
Перед атакой роты обойдём.—
И лёг он, улыбаясь виновато,
На полущубок возле камелька.
В углу связист хрипел у аппарата:
— Ока... Ока... Ты слушаешь, Ока?..—
И полутьма. И жёлтых свеч мерцанье.
И запахи оттаявшей земли.
Я не уснул... Меня воспоминанья
К далёкой нашей встрече увели.

Глухой просёлок и пустые хатки.
Ночная тень соснового леска.
Здесь, на ночёвке, я нашёл остатки
Раздавленного танками полка.
Проверив документы для порядка,
Посомневавшись — свой или не свой,
В штабную командирскую палатку
Меня провёл по стёжке часовой.
При двух неярких, трепетных коптилках,
Сняв снаряженье, отцепив наган,
Лежал в пустой палатке на носилках
Седой тридцатилетний капитан.
Нетронутым валялся скудный ужин:
Консервы, сало, хлеба два куска.
От неотступных дум своих разбужен,
Встал мне навстречу командир полка.
Я вскрикнул, отступая, удивлённо:
— Сергей Орлов!. Да что с тобой, родной? —
Весёлым командиром батальона
Я капитана знал перед войной.
Он всем по сердцу приходился сразу —
Красавец, балагур и острослов,
Черноволосый, статный, кареглазый,
Крестьянский парень, капитан Орлов.
Как изменился он за три недели!
Какой бедой прошла над ним гроза!
Из тёмных впадин на меня глядели
Усталые, глубокие глаза.
Узнал меня. И твёрдо и упруго
Шагнул навстречу дружеской руке.

— Вот это встреча! Левая для друга,
А правая... четвёртый день в лубке.—
Он улыбнулся весело и горько:
— Шарахнуло железным кирпичом...—
Обрызганная кровью гимнастёрка
Топорщилась над раненым плечом.
Концом окурка снял нагар с коптилки.
— Устал с дороги? Выпьешь? Хочешь есть? —
Сел полуоборотом на носилки
И жестом пригласил на ящик сесть.
— Уж если ты сюда направил лыжи,
Здесь тишь и гладь. Ну, чем тебе не Крым?
Сверни цыгарку да подсядь поближе.
Про жизнь и про войну поговорим.—
За лесом ночь от выстрелов кололась.
В селе вихрилось пламя над стрехой.
А я сидел, курил и слушал голос
Взволнованный, то звонкий, то глухой.
— Чудно и странно! Только три недели
Идёт за нами по пятам беда.
А многие изрядно поседали,
Со многими расстались навсегда.
Нет комполка. Нет Васина, комбата.
Майор разорван бомбой на куски.
Какие были славные ребята,
Геройские, лихие мужики!
Душа горит... Хоть разуму понятно,
Что без утрат и крови нет войны,
Что просто так мы не вернём обратно
Ни равновесья душ, ни тишины.
Но мы привыкли жить, не отступая.
Мы не хотим ни шагу отступать!
Но силища железная, тупая
Нахлынула и потеснила вспять.
Земля нам больно обжигает ноги.
Стыд застывает холодом в груди.
Ведь каждый куст и камень у дороги
Кричит нам вслед: «Солдат, не уходи!»
Поля полны беззвучным криком этим.
Роса течёт, как слёзы, по штыкам.
Что мы России, Сталину ответим?..
Что мы ответим нашим старикам?..
Когда пожар сливается с закатом

И враг ведёт на виселицу мать,
Не подвиг — честно умереть солдатом,
Не подвиг — боль без крика принимать.
Вот ранило. А я плюю на рану.
Другая рана, в сердце, глубока.
Мутится разум. И не раз к нагану
Сама тянулась в эти дни рука.
Когда с утра кругом снаряды рвутся,
А бомбы прошивают вышину,
Так тянет всё забыть и окунуться
В бездонную, как омут, тишину.
И всё ж в боях и на ночёвках душных,
Когда у самых ног чернел провал,
Я пулю — утешенье малодушных —
Разбить узлы своей судьбы не звал.
Мы от границы отошли за Припять,
А нынче ширь днепровская видна.
Растаял полк. Как трудно было выпить
Всю эту горечь залпом и до дна.
Сушила сердце каждая утрата —
Ведь я не из железа, не стальной.
Я командир. За каждого солдата
Мне отвечать перед моей страной.
Мы на реке не удержали брода.
От города с боями отошли.
Я командир. Перед судом народа
Мне отвечать за каждый клочок земли.
Вот и не сплю под этим шатким кровом.
Жду не дождусь, когда придёт рассвет.
Кто прояснит мой разум мудрым словом?
Кто выслушает, спросит, даст совет?
Что взять себе для разума опорой,
Когда вокруг сумятица везде?
Но есть на свете человек, который
Своих людей не покидал в беде.
Когда бывает горько жить и шатко,
Он по тропинке, в тишине ночной,
Невидимый никем придёт в палатку
И до утра беседует со мной.
Пока на листьях не обсохнут росы
И танк не подомнёт кусты рабит,
Ответит он на все мои вопросы,
Похвалит, обнадёжит, пожурит.

Мы до зари с ним новый бой обсудим,
А утром, снова сильный и живой,
Я из палатки твёрдо выйду к людям,
К семье своей солдатской, боевой.
Я загляну в глаза им ясным взглядом.
Я им скажу, как отрублю клинком,
Что враг стоит за переправой, рядом;
Что танки рыщут близко, за леском;
Что немец прёт на нас железным строем;
Что от полка уже осталась треть;
Что лучше в схватке умереть героем,
Чем холуём немецким умереть.
Я не скажу им, кто меня, Орлова,
На твёрдый путь наставил в трудный час,
Но все бойцы поймут меня с полслова
И, стиснув зубы, выполнят приказ.
Вот так живём...—

Раздумчиво спокоен
И к тридцати годам белоголов,
Навстречу дню поднялся русский воин,
Простой пехотный капитан Орлов.
Прогрохотала пушка на рассвете.
В палатке серый сумрак поредел.
И я почувал сердцем: кто-то третий
Здесь на патронном ящике сидел.

1943.

РАССКАЗ ГВАРДЕЙЦА

То было в сорок первом, под Москвой.
На нас валом валила вражья сила,
Крепчала стужа. Пылью снеговой
Метель траншеи наши заносила.
И танков лязг и пушек гром не молк,
От бомб земля дрожала, как живая.
Приметно таял наш гвардейский полк,
По семь атак за сутки отбивая.
А немец жал... Из мглы, из-за леска,
Во всей красе своих высоких башен,
До слёз, до боли каждому близка,
Вставала Белокаменная наша.
И мы держались...
Как-то в поздний час,

Когда у речки окопалась рота,
Я, не смыкавший трое суток глаз,
В траншее задремал у пулемёта.
Мне в эту ночь такой приснился сон:
Клубится снег, и дует ветер резкий,
И я, метельной пылью занесён,
Лежу за пулемётом в перелеске.
Сквозь белый иней веток мне видны
Шлагбаум, насыпь, будка нежилая.
И двое, с той, с московской стороны
Идут ко мне, следов не оставляя.
Идут рядком бок о бок, над пургой,
Вдоль проволоки, мимо старой ели,
Один в пальто и кепке, а другой
В красноармейской шапке и шинели.
Замлело сердце. Бьётся вперебой.
И мне глаза слепит пурга седая.
Они остановились. Меж собой
Про нас и немцев тихо рассуждая,
Взглянув туда, где бомбой снег разрыт.
Где вьюга вьётся меж лесных прогалин,
Ильич совсем негромко говорит:
— Готовы ли полки, товарищ Сталин?
Припело ль время отдавать приказ?
Все ль западни расставлены для зверя?
Со всех сторон весь мир глядит на нас
И трепещет, и веря, и не веря...—
И Сталин смотрит Ленину в глаза
И отвечает: — В нас твоя порода.
Железным вихрем страшная гроза
Прошла по сердцу нашего народа.
Расставил плечи богатырь-народ,
В огне боёв созрел для дела чести.
Земля гудит, земля зовёт вперёд.
И не уйти врагам от грозной мести.
Немецким псам запомнятся навек
Воронки эти и руины эти...
Вот тут, в окопе, русский человек,
Пускай он будет третьим на совете.
Он трижды кровью присягнул стране,
Покинул для неё семью и хату...
И Сталин нагибается ко мне,
Гвардейскому пехотному солдату:
— Скажи, товарищ, мне и Ильичу:

Приспело время? Будет немец свален?—
Я забываю холод. Я кричу:
— Пора их гнать! Пора, товарищ Сталин! —
И просыпаюсь...
В этот самый раз
Взгремели залпы над передним краем.
И по цепи передают приказ:
«Пришла подмога. Утром наступаем!»

С востока рдела дымная заря,
А запад мглеет чернее преисподней...
Сон этот был шестого декабря
Над занесённой снегом речкой Сходней.

1943.

СЕСТРА НАШЕЙ СЛАВЫ—ВЕСНА

Стремятся ручьи по яруге
На вольный простор целины.
Ещё не знавали на юге
Такой беспокойной весны.

Железо горит, как солома.
До неба — разрывов гряда.
Такого весеннего грома
Не слышала степь никогда.

Секут по буграм и камням
Горячие струи свинца.
Весна боевым нетерпеньем
Устроила силу бойца.

Размытых дорог непролазье
Пехота напором берёт.
Тяжёлые танки над грязью
Рыча пролетают вперёд.

Где в паводок плавают хаты
На малых степных островках,
По чёрным трясинам солдаты
Орудья несут на руках.

Разбужен стопушечным гулом
Днепропетровский лазурный лиман.

Огнём батарей за Ингулом
Разорван весенний туман.

Струною, натянутой туго,
Звенят ветерки на юру,
От берега Южного Буга
Зовут и торопят к Днестру.

К зелёным карпатским громадам,
Солдатской присяге верна,
Идёт с пехотинцами рядом
Сестра нашей славы — весна.

1944.

РОВЕСНИКУ

Мих. Исаковскому

Погляди-ка, не наши дети ли
Жгут костры на ночном привале?
Как состарились — не заметили.
Будто целый век воевали.

Воет степь орудийным голосом.
Хоть бы к ночи примолкла малость!
Седина просочилась в волосы,
Подступила к сердцу усталость.

Нынче громы гремят за Люблином,
Под Варшавой, под Ригой где-то.
Сколько в юности недолюблено,
Недорадовано, недопето!

Нами убраны сора грудищи.
Ветер вёл нас в дымные дали.
Мы за пять поколений будущих
В свой недолгий век отстрадали.

Дерзких дум добровольным пленникам
Тихих дней перепали крохи.
Вот что значит быть современником
Непомерно большой эпохи!

И к себе мы не знали жалости.
В наших песнях не было фальши.

Стиснув зубы, сквозь дым усталости
Мы упрямо шагали дальше.

По-солдатски справлялись с нервами,
И была наша жизнь согрета
Тем, что в мире самыми первыми
Мы встречали зарю рассвета.

Пусть дороги в эпоху новую
Не разведаны и опасны, —
Мы свою судьбу сквозняковую
Ни на что менять не согласны.

1-й Прибалтийский фронт.
Июль 1944.

СОЛДАТЫ ОКТЯБРЯ

Перелески, рощи, перелогги,
На шинелях снежная пыльца.
За спиной у нас лежат дороги,
И дорогам этим нет конца.

В жарких смерчах пламени и стали
Пыль, и снег, и щебень, и пески
Сорок долгих месяцев топтали
На войне пехотные полки.

И на всех дорогах — нет им счёта —
Мы дрались за каждую версту.
И сквозь все бои несла пехота
О победной радости мечту.

Наших дедов славное наследье —
Честь свою — мы свято берегли.
К западу лицом, лицом к победе
Умирили те, кто не дошли.

Мы победой мёртвым присягали.
И, судьбы солдатской не кляня,
Стиснув зубы, яростно шагали
В урагане стали и огня.

Вот идём мы, славою богаты,
Через реки, горы и поля.

За спиной — Балканы и Карпаты,
Впереди — немецкая земля.

Лес штыков колышется в долине,
Прост и ясен Сталина приказ.
Мы хотим войну кончать в Берлине,
И никто не остановит нас!

Ноябрь 1944.

АЛЛЕЯ ПОБЕДЫ

Берлинские сумерки дымны и мглысты,
По Зигес Аллее * идут фольксштурмисты.

От белого инея брови мохнаты.
По Унтер-ден-Линден * шагают солдаты.

Не глядя на зданья, аллеи и скверы,
Понуро, не в ногу бредут офицеры.

Ни роз, ни приветствий, ни трепета флага,
Ни звона оркестров, ни прусского шага,

Ни слитного рёва: «Нах остен! Нах остен!..»
Лишь низкое небо в морозной коросте,

Да хмурые взгляды, да смутные речи,
Да толпы бегущих с востока, навстречу,

Да там, впереди — контратаки, окопы...
Ну, что ж ты притих, покоритель Европы?

По Унтер-ден-Линден, по Зигес Аллее
Ты шёл в сорок первом куда веселее.

— Хайль Гитлер! — орал ты, багров от натуги.
— Хайль Гитлер! — орали друзья и подруги.

— Нах остен! — В Московию! — В русские степи!..
Сгорели мечты, и развеялся пепел.

---

* «Аллея победы» и «Под липами» — главные улицы Берлина.

И вот ты, как кляча, плетёшься «нах остен».
Свиристая стужа вгрызается в кости.

А крепнувший гром канонады жестокой
Метели на крыльях приносят с востока.

Надвинулись сроки последней расплаты —
За слёзы, за кровь, за сожжённые хаты,
За пепел села, за руины завода,
За острую боль сорок первого года.

Грохочут над Одером наши орудья,
Идут Бранденбургом суровые судьи.

По бургам твоим, по твоим автострадам
Пехота шагает с танкистами рядом.

Кто в громе обвала удержит лавину?!
Что день, то короче дорога к Берлину.

Сметая засады, ломая заслоны,
Стремительным маршем идут батальоны,

Чтоб вырвать победу в сраженье жестоком,
В берлинские улицы хлынут потоком;

Чтоб вспыхнуло знамя, победно алая,
На Унтер-ден-Линден, на Зигес Аллее.

Февраль 1945.

*
* * *

Дорогая моя, неизменный мой друг!
В день победы вперёд погляди.

Как просторна земля! Сколько света вокруг!
Сколько радости там, впереди!

Вот обрублены нити военных дорог,
Что не раз разлучали с тобой.

Вот и снова прошли мы сквозь годы тревог,
Тесно связаны общей судьбой.

Слышишь? Звонко поёт оркестровая медь,
Песни полнят столицу, звеня.
Я в строю. И тебе не придётся краснеть
Перед нашей страной за меня.

В дни, когда налетающий с запада шквал
Сыпал ливнями огненных стрел,
Я отчизне, как сын и солдат, отдавал
Всё, что мог, что умел, что имел.

Я шагал по обугленной боем меже,
Чтоб до сердца солдата дойти.
Был своим человеком в любом блиндаже,
У любого костра при пути.

Я пронёс сквозь огонь и ревуший металл
Голос гневного сердца живой,
О сегодняшней, радостной встрече мечтал
В белоснежных полях под Москвой.

Эти годы скорбей и тревог позади,
В невозвратно далёком былом,
Птица-песня опять встрепенулась в груди
И взмахнула широким крылом.

Снова рдеют рубинами звёзды Кремля.
Вновь под кровом родного жилья
Жить нам радостно, счастье своё не деля,
Дорогая подруга моя.

ПЕСНЯ СЕРДЦА

Умолкают боевые грозы.
И у светлой грани новых дней
Люди улыбаются сквозь слёзы
Выстраданной радости своей.

Родина своей державной властью
Всех людей слила в одну семью.
Оттого и неделимо счастье,
Добытое в яростном бою.

Солнцем нашей славы осиянна,
Гром салютов слушает Москва.

Как вместить безбрежье океана
В самые просторные слова?

Как стихом отточенным и песней
Радость миллионов передать,
Если ей сегодня стала тесной
Ширь полей и океанов гладь?

Пой победу, сердце человека,
Радости и славы не деля.
Будь сильна отныне и до века,
Жизнь моя — советская земля!

РУБЕЖ РАДОСТИ

Кжданному годами рубежу
Нас вплотную привели бои.
Как я в этой песне расскажу
Думы сокровенные свои?

С перевала славы мир видней,
Все пути пройденные близки.
Пусть невзгоды пережитых дней
Выбелили инеем виски;

Пусть на лицах наших от свинца
Навсегда останутся следы, —
В день победы сильные сердца
Радостью свершённого горды.

Видишь — солнце светит. Это мы,
Встав по зову нашего вождя,
Мир сегодня вывели из тьмы,
Брэнной нашей плоти не щадя.

Где горел и плавился металл,
Человек, назло стихиям, жил.
Нас такими Ленин воспитал.
Нас такими Сталин закалил.

Мы сквозь смертный ветер шли во мгле,
Горем сердце полня через край,

Чтобы наши дети на земле
Обрели невыдуманный рай.

Мудрое уменье мастеров
Мы вручим горячим дням труда,
Чтобы в нашу жизнь, под каждый кров,
Поселилась радость навсегда.

Чтоб на радость нашу на земле
Никогда никто не посягнул,
Будем мы свинец хранить в стволе
И нести бессеменный караул.

Воздух наш очистила гроза.
Полон мир цветеньем молодым.
Будущему нашему в глаза
Мы открыто, радостно глядим.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В громе яростных битв пролетают над нами	3
Когда мы в поле на ветру стоим	3
Детей не ждёт тепло родного крова	4
Человек склонился над водой	5
Грузовики, рыча, неслись куда-то	5
В смертном ознобе под ветром трепещет осина	6
Курганами славы покрыта родная равнина	7
Стали в августе ночи длинны, тёмны	7
Шуршит по крышам снеговая крупка	8
Вот бомбами размётанная гать	9
Бьётся в тесной печурке огонь	9
Песня о слепом баянисте	10
Декабрь по дорогам гонит пургу	15
Встреча	16
Предчувствие весны	17
Скворцы прилетели	17
Ночь над Осолом	18
На меже	19
Девочка и солдат	20
Июльский день	20
Поле боя	21
Россия	22
Полукружьем пологим выгнут	23
От пушки на лугу косая тень	24
Видно, выписал писарь мне дальний билет	25
Сторожко приникая к чёрным зданьям	25
Защитник Сталинграда	26
Победа	27
Мёртвый враг	28
Песня о солдатской матери	28
Разведчики вышли к Днепру	29
Товарищ	30

Глоток воды	31
Войны имеют концы и начала	31
Скрежещет серый гравий под ногами	32
Ночной собеседник	33
Рассказ гвардейца	37
Сестра нашей славы — весна	39
Ровеснику	40
Солдаты Октября	41
Аллея победы	42
Дорогая моя, неизменный мой друг!	43
Песня сердца	44
Рубеж радости	45

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

А—09463. Тираж 100.000. Подп. к печати 19/VII—46 г. Зак. 1615.

Тип. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.